

Социальное согласие: интерпретация в исследованиях повседневности

В работе рассматриваются проблемы применения когнитивного подхода в исследованиях повседневности. Методологическая установка состоит в восприятии социальных групп в качестве исходной единицы в изучении повседневности. Это предполагает определенное развертывание повседневности как коллективного жизненного порядка – от солидарности к принятию идеи согласия, проявляющейся по мере развития форм группового взаимодействия, связей с социальными институтами. Соответственно, культуры, ориентированные на согласованные действия социальных групп, будут предполагать здесь иные способы развертывания повседневности. Подчеркивается не только важность синтеза структурно-функционального и генетического изучения повседневности, но и специфика каждого из этих подходов.

Ключевые слова: повседневность, культурные предпосылки, социальные группы, гендерные группы, согласие, согласованные действия, структурно-функциональный подход, генетический подход.

N.V. Dosina

Social Consent: Interpretation in the Study of Everyday Life

The article deals with the problems of applying a cognitive approach in the study of everyday life. The methodological setting introduces perception of social groups as the original unit in the study of everyday life. It assumes a certain deployment of everyday life as a collective life order – from solidarity to acceptance of the idea of consent that appears, as forms of group interaction and connections with social institutions grow. Respectively, cultures oriented on coordinated actions of social groups, here assume other ways of everyday life deployment. The work emphasizes both the importance of synthesis of the structural and functional and genetic study of everyday life, and the peculiarity of each approach.

Key words: everyday life, cultural prerequisites, social groups, gender groups, consent, coordinated actions, structural and functional approach, genetic approach.

Вопрос о культурных предпосылках повседневности рассматривается в современной литературе как в теоретических, так и в исторических исследованиях. Как правило, ставится этот вопрос в общей форме. Задача данной статьи состоит в том, чтобы макси-

мально конкретизировать постановку вопроса путем сопоставления состояния, опыта согласованных действий социальных групп в сфере повседневности с идеей согласия в познавательном процессе, где оно характеризуется как идеал, организующая и направляющая сила развития повседневности.

Обратим внимание на высказывание Ж. Подьоло, которое четко фиксирует проблему. Коллективные действия, пишет Подьоло, предполагают согласие партнеров по поводу правил принятия решений. Однако с когнитивной точки зрения консенсус не сводится к простому соглашению сторон. Он возникает при согласовании взаимных восприятий социальных деятелей по отношению к конкретному предмету. Выбор стратегий коллективного действия определяется стилем мышления его участников, который интерпретируется как сочетание когнитивной (усвоенный способ толковать и определять ситуации) и коммуникативной (способ справляться с неопределенностью в повседневной жизни, оперируя теми или иными ценностями и нормами) компетенций [1].

Это высказывание примечательно. Во-первых, признается влияние согласия не на долю, а на характер вклада каждой социальной группы в коллективные действия. Идет процесс становления и функционирования вариативных моделей повседневности через процедуры их интерпретации участниками. Во-вторых, имеется в виду направленность коллективных действий не на соответствие действительности, а на самосогласованность множества на первый взгляд совершенно различных явлений повседневной жизни, вытекающих как следствие из единственного общего принципа. Согласие, выступая предпосылкой повседневности, содействует ее кардинальным изменениям, а не производит в ней отдельные улучшения. Если иметь в виду, что адекватное проявление коллективного интеллекта непременно связано с деятельностью социальных институтов, направленной на качество социальных связей, изучение согласия не только как коренного свойства малой группы людей, но и как необходимого, существенного, неотъемлемого свойства, объективного атрибута повседневности, существующего наряду с несогласием/ конфликтом/ противостоянием/ столкновением, становится одним из основных требований истории повседневности.

Методологическая установка, состоящая в восприятии социальных групп в качестве исходной единицы в изучении повседневности, предполагает определенное развертывание картины повседневности как коллективного жизненного порядка – от солидарности к принятию идеи согласия, проявляющейся по мере развития форм группового взаимодействия, связей с социальными институтами. Соответственно, культуры, ориентированные на согласованные действия социальных групп, будут предполагать здесь иные способы развертывания повседневности.

Вопрос о доминировании согласованных действий как выражении нового качества повседневности поддерживается интерпретацией специфики повседневности в гендерных исследованиях: при восприятии категориального характера (полном, многоуровневом) повседневность воспринимается не как примитивное существование, а как обладающее развитой и внутренне дифференцированной культурой. Определяя согласие как состояние, признак или процесс взаимодействия между гендерными субъектами, стремящимися иметь сходные ценности, потребности, интересы и цели, авторы материала «Дискретный обзор: гендерные отношения – 2» в первой главе «Социальные гендерные отношения: путь к согласию» подчеркивают, что гендерные группы принадлежат к определенным культурным системам – массовым субкультурам, каждая из которых представляет собой совокупность устойчивых представлений, ценностей, норм, характерных для части населения и закрепляемых специфическими механизмами социально-политической организации. Идея согласия играет при этом позитивную роль в познавательном процессе, если замечена как идеал, организующая и направляющая сила [2].

Обнаружив признание влияния согласия на понимание истории повседневности, на постепенное выражение ее качества, выделим три аспекта, наиболее важные для выявления ценностного содержания согласия. *Первый аспект* состоит в рассмотрении согласия как показателя, резюмирующего характер изменения когнитивного подхода к повседневности в его соотношении с когнитивным подходом, применяемым в настоящее время в исследованиях повседневности. *Второй аспект* определяется таким пониманием повседневности, которое воспринимает ее как ответ на исторические потрясения, риски, специфически воздействующие на все содержание согласия и, естественно, на характер изучения повседневной жизни. *Третий аспект* связан с характеристикой процессов развития социальных взаимодействий, под влиянием которых с годами изменился когнитивный стиль действий каждой социальной группы – определенный тип ее поведения. Зафиксирована тенденция постепенной эволюции согласия в сторону более дискурсивного в истинном смысле этого слова. Изучаются факторы, повлиявшие на такое состояние, причинно-следственные связи между факторами, частота циклов положительной и отрицательной связи в когнитивных картах.

Остановимся на первом аспекте. Сопоставим типы понимания согласия: согласие – исследовательский метод изучения социальных явлений, определенная структура ценностей, которой субъект руководствуется в этом мире; и согласие как онтологический процесс постижения самим субъектом той сферы реальности, в которой

ему приходится действовать или в которую он погружен, в том числе посредством истолкования ее отдельных фактов. Общее в двух типах понимания заключается в том, что и аналитик, и субъект деятельности имеют дело с тенденциями эволюции согласия. Различия – в стремлениях и в смысловом содержании [3]. По нашему мнению, никак не должен быть упущен момент их сущностного единства. Речь идет о том, что социальное согласие может характеризоваться как особое перетолкование повседневного опыта социальных групп, выступать в качестве основания моделей поведения социальных групп в сфере повседневности.

Оставаясь в рамках первого уровня, предложим в качестве предварительной объяснительной гипотезы воздействия согласия социальных групп на осмысление повседневности следующую схему распределения его ценностно-значимых характеристик, служащих кодами в пространстве согласованного взаимодействия. Выделим по несколько значимых характеристик каждого типа понимания согласия, при которых резюмируется позитивный опыт осмысления повседневности, работающий на перспективу.

При структурно-функциональном подходе чаще всего характеризуется поведение социальных групп, основанное на сходстве взглядов или ориентаций относительно значимых ценностей, целей и норм/правил, ролей, отношений власти и т. д. Оно рассматривается как важный фактор функционирования и поддержания стабильности общества. Безусловно, отмечается также соглашение по спорным вопросам, достигнутое участниками переговоров как средство разрешения конфликтов. Структура согласия при этом представляется процессами взаимодействия, настроениями.

И всё же представленный уровень анализа недостаточен при отсутствии следующего аналитического пласта. На следующем уровне рассмотрение согласия исходит из идеи его конструктивности, моделирования конкретной практики действий социальных групп, плодотворности на этой основе. Для реализации генетического подхода к согласию социальных групп может быть предложена следующая парадигма: – каузальные, т. е. причинные **условия** (держат в центре внимания определенный процесс как условие выхода из трудностей практического порядка) – феномен (**событие**, например, в связи с которым и для управления которым предпринимается ряд взаимодействий) – **контекст** (ряд условий, в рамках которых социальными группами предпринимаются стратегии действия / взаимодействия для управления явлением) – **промежуточные условия** (более широкий структурный контекст: история культура, технологии, т. е. всё то, что поддерживает или ограничивает действие / взаимодействие. И это не только хронология, но и ритмика, т. е. размеренность, последовательность повышения и понижения

тонов, равномерность функционирования и развития события) – **стратегии действия / взаимодействия** (цель, процесс, неудавшееся действие по какой-то причине, которое может сопровождаться конфликтом) – **следствия – результаты** (факт или потенциал). Этот способ рассмотрения проблем согласованных действий предполагает объяснение способностей социальных сил держать формирующуюся ситуацию под контролем, и зависит от качества диагностики «болевых точек» реализации их потенциала. Как представляется, обозначенные признаки, достаточно часто используемые в объяснительных моделях социального взаимодействия, уже включаются в объяснения существенных событий повседневной жизни. Новые практики и нормы поведения трактуются как опирающиеся на самоорганизацию социальных групп.

Подчеркнем, что степень реальности картины будет зависеть от того, насколько глубоко выяснена связь новых практик и стратегий социальных групп с наследием предыдущей эпохи, а также с государственной политикой. Может оказаться так, что динамическая социальная система взаимодействий групп, состояние которой описывается некоторой переменной $x = (x^1, \dots, x^n) \in \mathbb{R}$, находится в «силовом» социальном поле, зависит от управляющих параметров и имеет врожденные критические точки. Такое поле содержит катастрофы, т.е. скачкообразные изменения равновесных состояний системы при малых изменениях управляющих параметров, когда происходит пересечение границ так называемых бифуркационных множеств. Обращаясь к примеру уровня согласия групп, можно сказать, что происходит крушение одной из групп, временное единовластие оставшейся и рождение новой группы, подавляющей постепенно оставшуюся от прежних времен «победившую» группу. Р. Том называет это «петлей опоры» [4]. Принцип согласия и означает, что повседневность узнается лишь в ходе диалога, доброжелательного взаимодействия социальных групп.

Остановимся на втором аспекте. Важной характеристикой согласия является то, как социальные группы взвешивают риски, сопряженные с различными предложенными средствами. По нашим наблюдениям, во всех современных научных работах так или иначе выстраивается единая перспектива сферы повседневности, т. е. то, что Н.Н. Зарубина обозначила как маркирование с трудом формируемого сегодня в России единства граждан принадлежностью к системе безопасности: важным обозначается не только то, как развивается какая-либо система, но и то, за счет чего она развивается [5]. Сложное взаимодействие осуществляется через серии интерактивных ритуалов разного уровня. По-другому – с помощью информационного и ценностного обмена, ведущего к формированию общего чувства реальности, общих интересов, единства, готов-

ности к совместным действиям. Главное здесь, подчеркивает М. Манн, поддержание связей [6].

Вместе с тем необходимо принять во внимание, что взгляд на повседневность только через риски, как правило, искажает картину повседневности. Социальные группы почти всегда находят в себе силы для преодоления многих рисков. Для иллюстрации классифицируем тип отношений и выясним, как это сказывается на структуре и организации взаимодействия гендерных групп. Преимущества женской гендерной группы от взаимодействия с мужской гендерной группой проявляются, на наш взгляд, в следующем: – содействие инициативе, оформление ряда социально-значимых программ; – получение новых моделей, методик, наработок, тренинговых модулей, созданных и апробированных женскими организациями для использования в работе с другой гендерной группой; – доступ к публикациям, материалам социологических опросов, базам данных, другим демонстрационным материалам, предоставленным «третьим сектором»; – возможность использования общественной экспертизы документов с целью их совершенствования и др. При этом непременно осмысливаются решающие события истории преобразования повседневности, которые стимулировали или блокировали согласие и задавали определенное направление отношениям гендерных групп.

Эта гипотеза может быть подтверждена при сопоставлении особенностей развития гендерных групп. Можно предположить, что акцент, сделанный в стране в 70-е гг. XX в. на государственные меры по облегчению выполнения женщинами их материнских обязанностей, стал стимулом развития повседневности как раз в то время, когда в российской науке формировались основные позиции гендерных исследований, их основной идеи – идеи сотрудничества гендерных групп, основывающимся на нем согласии. Представляется несомненным, что важным фактором развития поля повседневности явилось освоение мужской гендерной группой тенденций развития культуры в стране, поскольку именно в сфере культуры происходит формирование запроса со стороны современного общества на разработку идеи согласия. Оказалось несомненным, что «сгустки» согласительных проблем гендерных групп вместе с осмыслением процессов проблематики повседневности приводят к формулировке новых интересов и новых ценностных ориентиров в обществе.

Остановимся на третьем аспекте. Анализируются трудности и препятствия на пути установления согласия во взаимодействиях социальных групп. Это оттенки мнения, постановка вопросов – их выбор, организация и манера обсуждения, ценностные предпочтения, определение органа, принимающего решение и пр.

Сложным и нерешенным в современной демографической политике России остается вопрос о том, насколько целевой ориентир мер в ней сбалансирован с целевыми ориентирами и приоритетами в социальной сфере, например, в сферах образования, труда и занятости. В этой связи интересны данные проведенного в 2010 г. группой ученых Иркутского государственного университета исследования «Гендерная дифференциация представлений о социальной солидарности в современном российском городе» [7]. С помощью методики транссимволического анализа социальная реальность описывалась и анализировалась в троичной системе: когнитивный символ (существенно то, что происходит в жизни, как воспринимается ситуация, как выражается согласие), аффективный (сферы реализации согласия), деятельностный (оценка реализации). Результаты исследования показали, что в зоне идеологического консенсуса находятся представители гендерных групп, обнаружившие сходство взглядов относительно эффективности проводимых в стране мер экономической политики: «ядро» довольно прочное, хотя в будущем не исключены ценностные и идейные расколы. Частично или полностью за пределами идеологического консенсуса располагаются те группы мужчин и женщин, которые настроены более оппозиционно по отношению к политике властей в области образования: возможностям его получения, его качества, перспектив трудоустройства. Ценностно-культурная атмосфера в стране также по-разному оценивается мужчинами и женщинами: мужчины ориентируются на сложившиеся в стране ценностно-культурные условия, но лишь пятая часть опрошенных женщин признают, что эти условия могут выступать основой согласия в обществе. Разницу в восприятии влияния разнообразных условий автор работы О.А. Полюшкевич объясняет силой осознания группами гендерных стереотипов и противостояния им, характером исполнения социальных ролей, влиянием жизненного опыта. Объединяет всех граждан убеждение в том, что декларируемые официальными лицами меры построения инновационной экономики в России, выбранный стратегический приоритет будут способствовать не только успешности взаимодействий социально-демографических групп, но и их культуры.

Чтобы понять способ возникновения новых идей в сфере повседневности, представим, позиции исследователей согласия во взаимодействиях социальных групп в истории науки.

Обращает на себя внимание тот факт, что термин и понятие согласия появились в науке как реакция мыслителей на сложившуюся и утвердившуюся в обществе глубокую иерархию. Это мысли Аристотеля, Гераклита, Ибн-Сина, Платона, Пифагора, Фараби. Указание на связь между проблематикой коллективной жизни людей и согласия относится к первой половине XIX в.: в классических трудах

О. Конта, Г. Спенсера берет свое начало социологическая рефлексия природы социального взаимодействия. Вслед за ними идут работы Шеллинга, Шопенгауэра, Бердяева, Кропоткина, Чичерина, Гуссерля, Келле, Шмальцгаузена, Свидерского, Бонхеффера и др. Важность идей М. Вебера о согласии можно, видимо, усмотреть в том, что характер согласия (консенсуса в его трактовке) признавался основанным не на солидарности, а на принятии идей определенного типа, образующихся на основе возникновения сложных социальных и классовых структур. К моделям коллективного бессознательного М. Вебера следует, на наш взгляд, отнестись осторожно, в их сдержанной оценке можно согласиться с современным философом В.В. Ильиным: теориями, сцепленными с характером инициатив познающего, нельзя пренебрегать, но использовать в исследованиях социальных взаимоотношений и взаимодействий необходимо, по его мнению, модель странных, стохастических аттракторов (фундаментальных ценностей, движущих поведением), понятие самооценности свойственно не только индивиду, но и определенной социальной группе, и обществу, когда они поднимаются до определенного культурного уровня. С этим понятием сопоставимо, отмечает автор, понятие инвариантности, служащей основой адекватного отражения сущности объекта [8]. Надо признать, что тема свойств некоторых существенных элементов системы соотношений не меняться при ее определенных преобразованиях привлекательна для современных ученых, трактующих инвариантность как выражение природы и пытающихся содействовать ее сохранению. Здесь понимание следует не логике линейного детерминизма, а логике культуры, отстаивается идея не фонового, а сущностного изучения социальных отношений и взаимодействий. В таких работах говорится о необходимости постижения характера отношений и взаимодействий социальных групп и, в связи с этим, о проблемах организации повседневности [9].

В 60–70-е гг. XX в. проблематика консенсуса разрабатывается, с одной стороны, в рамках неомарксистской социальной философии (Ю. Хабермас), с другой – в русле феноменологически ориентированной социологии, отправляющейся от идей А. Шюца, связавшего веберовскую концепцию консенсуса с концепцией интерсубъективности Э. Гуссерля.

В последующие годы речь идет о том, чтобы при характеристике перехода от одной фазы повседневности к другой охватить изменения в содержании и объеме понятий, с помощью ряда новых категорий изучить генетические, причинные, функциональные связи между согласием, разногласием и несогласием, согласием и противостоянием, отразить вступление нагруженного противоречиями согласия в новое качество своего существования, востребованного условиями развития всеобъемлющих общественных связей.

Особо следует отметить немалую роль процессов развития синергетики в актуализации темы согласия в межгрупповых взаимодействиях. Эти ученые заявляют о необходимости прорыва к объективным законам субъективной реальности через действия, конкретные тесты, а не только мнения объекта исследования обо всем этом. Именно феномен рефлексии становится во множестве социальных явлений главным. Об этом пишут авторы Международного междисциплинарного журнала «Рефлексивные процессы и управление», издающегося с 2001 г., хотя и не пользующегося у современных исследователей должным вниманием. Подчеркнем, что предлагаемые здесь для анализа социальных отношений и межгрупповых взаимодействий математические «мягкие модели» включают основные математические понятия синергетики и нелинейной науки в целом, исходят из предположений и гипотез о сущности описываемых явлений, извлечении следствий из этих гипотез и уточнении самих гипотез.

Допускается в настоящее время обсуждение инвариантно-групповых методов (теория систем отношений с ориентацией на принципы, а не на конкретные модели) [10]. По мнению исследователей, нужна математика, основанная на синтезе, использование нового математического языка, который оперирует не с отдельными элементами, а с конечными множествами. Единственный прообраз (сущность) проявляется и находит свое выражение во множестве образов (явлений). Представляется не соответствие действительности, а самосогласованность множества на первый взгляд совершенно различных явлений, полей, вытекающих как следствие из единственного общего принципа. Изучается программа возникновения явления, состоящая из нескольких пакетов программ. Но этой программе, подчеркивают ученые, надо создать соответствующие условия, удобную среду обитания.

Принципиальная позиция, призывающая к всестороннему изучению согласия в области межгрупповых гендерных отношений, сформулирована, на наш взгляд, в работах С.Г. Айвазовой, которая подчеркивает: «Гендер – это конкретное взаимодействие мужчин и женщин. Только вместе индивиды создают разделяемые культурные схемы или «смыслы», влияющие на тот или иной характер (тип) их взаимодействия» [11]. Весьма интересны в связи с предложенной темой исследования работы Г.Н. Кареловой, Е.В. Кочкиной, С.В. Полениной, З.М. Саралиевой, О.В. Шабуровой, Н.А. Шведовой, О.А. Хасбулатовой и др. В них гендер как категория анализа встраивается в контекст сферы повседневности, затрагивающей не только жизненный уровень, который необходим для нормальной жизни, но и свободу от различных видов зависимости.

В названных публикациях находит отражение спор, который идет в нашем научном сообществе между исследователями, развивающими и использующими когнитивный подход к анализу социальных явлений, и некоторыми его интерпретаторами. Наряду с применяемым в исследованиях повседневности когнитивным подходом требуется, на наш взгляд, и другой когнитивный подход, располагающий к синтезированию эмпирических исследований взаимодействий социальных групп при их теоретическом обобщении: конкурирующие в определенных аспектах противоположные теории могут здесь быть объединены.

Список литературы

1. Подьоло Ж. Социальный порядок: принципы социологического анализа // Современная западная социология: классические традиции и поиски новой парадигмы. – М.: ИНИОН, 1990. – С. 93–110.
2. Дискретный обзор: гендерные отношения – 2 / FoxЖурнал. Факты (дата обращения: 17.11.2019).
3. Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры // Вопр. философии. – 1992. – № 6. – С. 91–105.
4. Левин К. Теория поля в социальных науках / пер. Е. Сурпиной. – М.: Академ. проект, 2019. – 313 с.
5. Зарубина Н.Н. Деньги в социальном конструировании пространства // Полит. исследования. – 2008. – № 5. – С. 169–179.
6. Манн М. Власть в XXI столетии. Беседа с Джоном А. Холлом (книга-интервью). – М.: НИУ ВШЭ. – 208 с.
7. Полюшкевич О.А. Гендерная дифференциация представлений о социальной солидарности в современном российском городе // Женщина в рос. о-ве. – 2010. – № 3. – С. 15–23.
8. Ильин В.В. Теория познания. – М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2011.
9. Гуц А.К., Фролова Ю.В. Математические методы в социологии. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 216 с.
10. Лефевр В.А. Рефлексия. – М.: Когито-центр, 2003. – 496 с.
11. Айвазова С.Г. Гражданское действие и политика: гендерный профиль // Россия в процессе реформ: социально-политические аспекты / отв. ред. Ю.С. Оганисян. – М.: ИС РАН. Современная экономика и право, 2009.

References

1. *Podiolo J. Social'nyj poryadok: principy sociologicheskogo analiza* [Social Order: principles of sociological analyses] // *Sovremennaya zapadnaya sociologiya: klassicheskie tradicii i poiski novoj paradigm* [Modern western sociology: classical traditions and search of a new paradigm]. – М.: INION, 1990. – S. 93–110.
2. *Discrete Review: gender relations – 2 / Fox Magazine. Facts* (date of the application: 17.11.2019).
3. *Scvyrjev V.S. Racional'nost' kak cennost' kul'tury* [Rationality as a Cultural Value] // *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. – 1992. – № 6. – P. 91–105.
4. *Levin K. Field Theory in Social Sciences* [Teoriya polya v social'nyh naukah] / Transl. of E. Surpina. – М.: Acad. Project, 2019. – 313 p.
5. *Zarubina N.N. Den'gi v social'nom konstruirovanii prostranstva* [Money if the Social Construction of Space] // *Politicheskie issledovaniya* [Political Researches]. – 2008. – № 5. – S. 169–179.

6. Mann M. *Vlast' v XXI stoletii. Beseda s Dzhonom A. Hollom* (kniga-interv'yu). [Poer in XXI century. Conversation with John A. Hall (book-interview)]. – M.: SRU HSE. – 208 p.

7. Polushkevich O.A. *Gendernaya differenciaciya predstavlenij o social'noj solidarnosti v sovremennom rossijskom gorode* [Gender Differentiation of Perceptions about Social Solidarity in a Modern Russian City] // *ZHenshchina. v rossijskom obshchestve* [Woman in Russian Society]. – 2010. – № 3. – S. 15–23.

8. Ilyin V.V. *Teoriya poznaniya* [Theory of Knowledge]. – M.: Book House "LIBROCOM", 2011.

9. Gutz A.K., Frolova Y.V. *Matematicheskie metody v sociologii* [Vathematical Methods in Sociology]. – M.: Publishing house LKI, 2007. – 216 p.

10. Lefevr V.A. *Refleksiya* [Reflexion]. – M.: Cogito-Centre, 2003. – 296 p.

11. Aivazova S.G. *Grazhdanskoe dejstvie i politika: gendernyj profil'* [Civil Action and Policy: Gender Profile] // *Rossiya v processe reform: social'no-politicheskie aspekty* [Russia in the Process of Reforms: Social and Political aspects] / Oganisjan Y.S. (executive editor). – M.: IS RAN. – Modern Economy and Law, 2009.